

Послесловие

Обнародование Стратегии национальной безопасности США в сентябре 2002 года и применение на практике в Ираке принципов, изложенных в данном документе, ознаменовали начало нового этапа в развитии международных отношений. «Новый подход характерен своей революционностью», — писал Генри Киссинджер. Он одобрил разработанную доктрину с определенными тактическими оговорками и главным допущением: данный подход не может быть использован как универсальный принцип для любой нации{457}. Право применять насилие является прерогативой США и их ближайших партнеров. Нам необходимо избавиться от основополагающих норм морали, таких как принцип универсальности, — данная позиция, как правило, скрывается под видом добродетельных намерений и фанатичным следованием букве закона.

Артур Шлезинджер разделяет мнение о том, что сама доктрина и ее воплощение были «революционными» по своему характеру, но он рассматривает данную ситуацию под несколько иным ракурсом. Когда на Багдад были сброшены первые бомбы, он вспомнил слова Ф. Рузвельта, сказанные им сразу после бомбардировок Перл-Харбора: «День японского национального позора». Теперь настал час национального позора США, писал он, поскольку американское правительство берет на вооружение японские империалистические методы ведения внешней политики. Он также добавил, что действия Дж. Буша привели к тому, что «прокатившаяся по всему миру волна сочувствия и сострадания» по отношению к Америке переросла в «волну негодования в связи с высокомерием и милитаристской направленностью политики США». Через год «недовольство США и их внешнеполитическим курсом не только не снизилось, но, напротив, стремительно возрастало»{458}. Даже в Великобритании число тех, кто поддерживал военные действия в Ираке, уменьшилось на треть.

Как прогнозировали различные специалисты, война в Ираке только способствовала усилению террористической опасности. Фауас Джергиз, эксперт по Ближнему Востоку, констатировал «невероятно стремительный рост призывов к осуществлению джихада по всей планете со стороны различных исламистских групп по сравнению с незначительным уровнем таких настроений до террористических акций 11 сентября 2001 года». Ряды «Аль-Каиды» стали пополняться, а Ирак впервые стали называть «прибежищем террористов». Атаки террористов-смертников на протяжении 2003 года достигли уровня, невиданного в современной истории; Ирак не испытывал ничего подобного с середины XIII века{459}. Согласно общему мнению различных специалистов, война в Ираке дала толчок распространению оружия массового поражения{460}.

В канун первой годовщины с момента начала вторжения в Ирак на Центральном вокзале Нью-Йорка появились полицейские патрули, вооруженные автоматами. Усиление мер произошло после того, как в Европе был совершен самый страшный в ее истории теракт, когда 11 марта от взрыва в мадридском поезде погибло свыше 200 человек. Через

несколько дней после этого население Испании на выборах проголосовало против правительства, которое втянуло страну в военную кампанию в Ираке, несмотря на бурные протесты общества. Испанцев обвинили в том, что они потворствуют терроризму. Это произошло после того, как они проголосовали за вывод своих войск из Ирака без санкции ООН — то есть за то, что они проявили принципиальность, как и 70 процентов американского общества, которые выступали за проведение военной операции в Ираке под руководством ООН{461}.

Президент Буш заверял американцев, что «мир стал гораздо спокойнее теперь, когда в Ираке коалиция союзных с США сил положила конец режиму власти, который оказывал поддержку террористам, так как здесь они могли беспрепятственно заниматься разработкой оружия массового поражения»{462}. Политики из окружения президента знали, что каждое его слово не имеет достоверного подтверждения, но при этом они прекрасно понимали, что любая ложь при довольно частом повторении может стать правдой.

Многие специалисты едины во мнении о том, какие существуют способы снижения угрозы терроризма, — эти взгляды совпадают с идеологической установкой о четком делении на «их» и «наш» терроризм. Известны также и основные причины, порождающие террор в его самых ужасных проявлениях. Наиболее распространенные взгляды на эти вопросы отражены в работе Джэйсона Берка, где он проводит подробный и глубокий анализ феномена «Аль-Каиды»{463} и исследует весь спектр радикальных исламистских террористических групп, которые воспринимают бен Ладена не более чем символом. Но его смерть может иметь крайне негативные последствия, поскольку это сделает его мучеником и воодушевит всех его многочисленных последователей. Доподлинно известна роль участия американского правительства, находящегося сейчас у власти, особенно сторонников рейгановских методов во внешней политике, в создании сети радикальных исламистских организаций. В меньшей степени известно то, что американское правительство спокойно отнеслось и не предприняло никаких контрмер, когда в Пакистане началась популяризация радикальных экстремистских форм ислама и активно велась разработка программ создания ядерного оружия{464}.

Как показывает Берк, бомбардировки Судана и Афганистана по приказу президента Б. Клинтона в 1998 году сделали бен Ладена символом, предопределили его взаимодействие с «Талибаном», а также резко увеличили число его сторонников, приток новобранцев в ряды «Аль-Каиды» и финансовой помощи данной организации, которая до того момента была практически неизвестна. Другим важным стимулом развития «Аль-Каиды» и роста популярности бен Ладена стали массированные бомбовые удары США по территории Афганистана, предпринятые сразу же после событий 11 сентября 2001 года без видимых причин и достоверных доказательств их необходимости, что впоследствии неохотно было признано американским руководством. В результате, пишет Берк, призывы бен Ладена были с воодушевлением восприняты «десятками миллионов людей по всему миру, особенно ожесточенной и радикально настроенной молодежью». Берк связывает с этими действиями США глобальное увеличение террористической активности и появление «нового поколения террористов и руководства террористических организаций», которые, как они сами были уверены, участвуют во «вселенской решающей битве добра со злом». Об этом говорят как

сторонники бен Ладена, так и президента Буша. Вторжение в Ирак, как было показано ранее, имело ровно такой же эффект.

Основываясь на множестве конкретных примеров, Берк в своем исследовании приходит к выводу, что «любое применение вооруженной силы является пусть и небольшой, но победой Бен Ладена и его сторонников» и он «одерживает победу» вне зависимости от того, останется ли сам в живых или нет. Многие специалисты, включая бывших глав израильских разведслужб, а также экспертов служб безопасности различных стран, разделяют выводы и заключения Берка{465}.

Существует единое мнение о том, какой должна быть адекватная реакция на террористическую деятельность. Она должна быть обоюдоострой: направлена непосредственно на противодействие террористам и террористическим группам и на ликвидацию потенциальных источников помощи и поддержки, оказываемой им. Адекватным способом реагирования на вызовы терроризма является проведение полицейских мер, которые доказали свою эффективность по всему миру. Как представляется, наиболее важно отслеживать тех, кто спонсирует террористов — силы, находящейся в авангарде, — тех, кто стремится мобилизовать радикально настроенные группы, часто относясь к представителям этих групп с недоверием и страхом, но, полагая, что они, тем не менее, борются за благое дело. Своими силовыми акциями мы способствуем привлечению таких спонсоров, меценатов и сочувствующих на сторону террористов. Мы можем обратить внимание и предпринять меры в связи с «бесчисленными жалобами» страдающих мирных граждан, многие из которых действительно справедливы и служат «главной причиной современной воинственности исламского мира»{466}. Это позволит значительно снизить угрозу терроризма, впрочем, это необходимо сделать вне зависимости от данной цели.

Применение вооруженной силы может привести к достижению поставленной цели, о чем американцы хорошо знают из истории покорения территории США. Но за это придется заплатить слишком высокую цену. Применение силы может, и именно так часто происходит, спровоцировать ответную агрессию. Провокация террористической деятельности не единственная иллюстрация. Есть другие, более устрашающие примеры.

В феврале 2004 года Россия провела самые масштабные военные учения за последние двадцать лет, где, в частности, отрабатывалось применение оружия массового поражения. Российский генералитет и министр обороны Сергей Иванов заявили, что данные учения были организованы после объявления США их планов «использования ядерного оружия в качестве основного инструмента выполнения военных задач», включая создание ядерного оружия малой мощности. «Это является крайне опасной тенденцией, ведущей к подрыву глобальной и региональной стабильности... поскольку снижает порог возможности применения ядерного оружия». Аналитик Брюс Блэр пишет, что Россия обладает информацией о том, что новые бомбы, предназначенные для взрыва бункеров, специально рассчитаны для «уничтожения ядерных бункеров высокой степени защиты», где размещены командные пункты стратегического ядерного арсенала России. С. Иванов и генералитет Министерства обороны заявили, что в ответ на наращивание военных программ американского правительства российское военное командование распорядилось поставить на вооружение армии «ракетную систему, не имеющую аналогов в мире», которую

практически невозможно уничтожить. По словам бывшего помощника министра обороны США Фила Койла, это, безусловно, «стало очень тревожным известием для Пентагона». Военные эксперты правительства США подозревают, что Россия может разработать проекты, аналогичные американской программе создания сверхзвуковой крылатой ракеты, запуск которой может осуществляться из космоса для обеспечения эффекта неожиданности и стратегического превосходства. В рамках реализации этих программ США планировали уменьшить использование зарубежных военных баз и ограничить доступ к воздушным магистралям{467}.

Американские военные аналитики оценили, что в период правления Буша-Путина российские военные расходы увеличились в три раза, что вполне объяснимо, если учесть воинственность и агрессивность американской внешней политики. Путин и Иванов включили в российскую военную доктрину принцип «предупредительных военных ударов», определивший «революционность» Стратегии национальной безопасности США. Они также «добавили новое положение, в соответствии с которым Россия вправе применять вооруженную силу в случае, если какая-либо сила или страна ограничивает доступ к регионам, представляющим для нее жизненный интерес». Тем самым Россия, по сути, взяла на вооружение принцип, закрепленный при Б. Клинтоне, о том, что США обладают правом «использовать вооруженную силу в одностороннем порядке» для обеспечения «свободного доступа к ключевым рынкам мира, источникам энергоснабжения и различным стратегическим энергоресурсам»{468}. Фиона Хил из Института Брукинса считает, что мир «стал менее безопасным» после того, как Россия решила последовать за США, а также полагает, что другие страны, вероятно, также «последуют их примеру»{469}.

В прошлом случалось, что российские автоматизированные системы ответного ракетного реагирования оказывались в нескольких минутах от запуска ядерных ракет, и их приходилось останавливать вручную. К настоящему моменту эти системы сняты с вооружения. Аналогичные американские системы, несмотря на свою большую надежность, также являются источником чрезвычайной угрозы. После срабатывания сигнала о ракетной опасности у военного оператора есть три минуты на принятие решения, и такие ситуации часто случались. Пентагон обнаруживал серьезные недостатки в системе компьютерной безопасности этих военных комплексов, чем могли воспользоваться террористы-хакеры для получения контроля над запуском ракет. «Такое может случиться в любой момент», — пишет Брюс Блэр{470}. Эти потенциальные опасности многократно усиливаются в условиях вооруженных конфликтов.

Опасения возрастают также, если учесть недавно обнародованные факты того, что президентов США «систематически вводили в заблуждение» по поводу возможных последствий применения ядерного оружия. Степень предполагаемых разрушений оказывалась «крайне занижена» вследствие недостаточной системности контрольных мер, осуществляемых «замкнутой бюрократической машиной», которая занимается исключительно разработкой планов проведения «ограниченных и „результативных“ военных действий с применением ядерного оружия». Вытекающая из этого «управленческая близорукость могла иметь катастрофические последствия»{471}, гораздо более значительные, чем те, к которым привели подтасовки разведслужб в Ираке.

Администрация Дж. Буша наметила введение в действие новой системы противоракетной обороны на лето 2004 года — данный шаг оспаривался критиками как «сугубо политическая мера», поскольку система требовала проведения дополнительных испытаний, в противном случае она попросту представляла опасность для самих США{472}. Другим важным критическим замечанием стало предположение о том, что система может только казаться эффективной и жизнеспособной. С точки зрения логики военных действий с применением ядерного оружия, видимость военного и технического преобладания является ключевым фактором превосходства над противником. Как в США, так и во всем мире систему противоракетной обороны рассматривают в качестве средства, позволяющего нанести удар первым, и тем самым обеспечивается свобода маневра, в том числе и для ядерного удара. Все страны, которые сегодня с опаской смотрят на США, прекрасно помнят, каким образом американцы ответили на введение советской стороной первой системы противоракетной обороны в 1968 году: американские ядерные ракетные установки были наведены на объекты данной системы с тем, чтобы в случае конфликта у США появилось тактическое преимущество. Военные эксперты прогнозируют, что недавние решения Вашингтона по наращиванию военных программ спровоцируют Китай предпринять соответствующие меры. Логика и история ядерного сдерживания «позволяет нам сделать вывод, что системы противоракетной обороны являются большим стимулом для разработки наступательных ядерных военных стратегий», так что инициативы, предпринятые Дж. Бушем и его окружением, в очередной раз повышают уровень потенциальных угроз для американцев и для всего мира{473}.

Ответные действия Китая могут спровоцировать цепную реакцию Индии, Пакистана и других стран. На Ближнем Востоке действия США расшатывают и без того хрупкое спокойствие. Одним из подтверждений этого служит то, что они поставляют вооружение Израилю и, в частности, более сотни реактивных бомбардировщиков последней модификации. США заявляют, что данные бомбардировщики способны без дозаправки осуществить налет на территорию Ирана и что это следующее поколение именно тех бомбардировщиков, которые в 1981 году уничтожили реакторную установку в Ираке. Израильское командование при этом сообщает, что США предоставили израильским ВВС «некоторые специальные виды вооружений». Нет сомнения в том, что разведслужбы Ирана и других стран пристально наблюдают за ситуацией и, вероятно, имеют заготовленный пессимистический сценарий развития событий: суть его сводится к тому, что этим «специальным видом оружия» могут оказаться ядерные бомбы. Умышленно организованные утечки информации о местоположении бомбардировщиков направлены на то, чтобы ввести иранское руководство в полное замешательство и, возможно, заставить предпринять какие-либо действия, которые, в свою очередь, можно было бы использовать как предлог для полномасштабной атаки{474}.

Вскоре после опубликования Стратегии национальной безопасности США в сентябре 2002 года американское руководство сделало попытку свернуть навязанные ему переговоры по договору о запрете на использование биологического оружия. Оно хотело заблокировать международные усилия, направленные на запрет ведения военных действий с применением биологического оружия и милитаризации космического пространства. Через год после этого на заседании Генеральной Ассамблеи ООН США — единственные — проголосовали против введения в действие Договора о запрещении испытаний ядерного оружия вместе со своим

новым партнером — Индией. Они выступили против уничтожения ядерного оружия. США — единственные — проголосовали против «соблюдения экологических норм» в рамках договоров по разоружению и контролю вооружений. Они, вместе с Израилем и Микронезией, проголосовали против ограничения распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке — это было необходимо им для вторжения в Ирак. За резолюцию по предотвращению милитаризации космического пространства проголосовало 175 стран — ни одной против, а воздержалось всего четыре: США, Израиль, Микронезия и Маршалловы острова{475}. Как уже обсуждалось ранее, в случае если США голосовали против или воздерживались при голосовании, это означало, что резолюция не была принята, в дальнейшем снималась с обсуждения и о ней вообще прекращали упоминать.

Стратеги из окружения Дж. Буша отдают себе отчет в том, что использование военной силы увеличивает опасность терактов и что милитаристская и агрессивная позиция и действия США провоцируют ответную реакцию, которая может быть чревата катастрофами глобального значения. Они не хотят, чтобы так случилось, но эти негативные последствия для них являются менее значимыми, чем интересы внешней и внутренней политики, которые никто и не думает скрывать.

На Всемирном экономическом форуме в обстановке непонимания и критики К. Пауэлл презентовал Стратегию национальной безопасности США и говорил о том, что Вашингтон обладает «суверенным правом применения военной силы в интересах самообороны» от стран, которые обладают оружием массового поражения и сотрудничают с террористами. Это стало официальным предлогом для вторжения в Ирак. Всем известно, как впоследствии вся американская доказательная база была признана несостоятельной, но в этой связи есть одно следствие, которое осталось без должного внимания: в текст Стратегии национальной безопасности были внесены дополнительные положения, в соответствии с которыми отменялись многие ограничения на применение военной силы. Больше не было необходимости оправдывать свои действия наличием угрозы терроризма. Гораздо более важным преобразованием является то, что Дж. Буш и его советники заявили о праве использовать вооруженную силу даже против тех стран, которые не обладают оружием массового поражения или даже программами по его разработке. Существенно то, что государство имеет «намерение и возможность» его реализации. В таком случае любая страна может вполне иметь намерение и возможность применения оружия массового поражения. Официальная доктрина предполагает, что практически кто угодно может быть подвергнут такому превентивному силовому воздействию. Колин Пауэлл пошел еще дальше. Он заявил, что президент США имел полное право атаковать Ирак, поскольку Саддам Хусейн не только имел «намерение и возможность», но «фактически использовал различные виды этого страшного оружия против своих врагов в Иране и против населения собственной страны», — при активной поддержке К. Пауэлла и его коллег из правительства, забыл, как обычно, добавить он. Кондолиза Райс предоставила примерно такую же трактовку событий{476}. Если следовать предложенной логике, то кто же обладает иммунитетом против превентивных ударов США? Неудивительно, что если бы иракцы когда-нибудь смогли увидеть Саддама Хусейна на скамье подсудимых, то они, непременно, пожелали бы увидеть рядом с ним его бывших американских союзников{477}.

За отчаянными попытками придумать убедительные оправдания военной операции в Ираке и по мере того, как постепенно всевозможные предлоги обнаруживали свою несостоятельность, было отчетливо заметно желание американского руководства и различных экспертов обойти очевидные причины вторжения. Они заключались в создании впервые по-настоящему безопасной военной базы в государстве, где будет установлен лояльный США режим, в самом центре одного из богатейших своими энергоресурсами регионов мира. Потребность в такой базе, как в «источнике стратегического влияния огромной важности» на будущее, осознавалась со Второй мировой войны. Не стоит удивляться, что США планировали осуществить вторжение в Ирак еще до событий 11 сентября 2001 года, отодвигая приоритет проведения «войны против террора» на второй план. Во внутренней среде американского политического руководства и правящей элиты не было сомнений по поводу целесообразности таких планов. Задолго до того, как олигархическая группа реакционеров взяла власть в стране в свои руки, они осознавали, что «необходимость создания эффективной военной базы в Персидском заливе гораздо шире решения конкретной проблемы режима Саддама Хусейна»{478}. При любых колебаниях политического курса в период с 1981 года главный направляющий принцип государственной стратегии оставался неизменным: нельзя допустить, чтобы иракский народ правил в своей стране.

Стратегия национальной безопасности отражала лишь один из компонентов военно-политической доктрины Дж. Буша. Другой компонент заключался в следующем принципе: «Те, кто скрывает террористов, разделяют их вину и по этой причине должны быть подвергнуты нападению и уничтожены»{479}. Известный политолог и аналитик Грэхам Элисон рассматривает данный принцип как ключевой компонент военно-политической доктрины Дж. Буша. Провозгласив его накануне вторжения в Афганистан (в связи с тем, что правительство страны отказывалось передавать США бен Ладена без доказательств его вины), Дж. Буш «в одностороннем порядке отменил норму о государственном суверенитете стран, укрывающих террористов». Данный принцип доктрины Буша «в качестве правила и нормы уже де-факто стал частью системы международных отношений»{480}. Элисон, правда, как и некоторые другие специалисты, умалчивает о том, что те, кто провозглашает данные — принципы, по сути, призывают начать бомбежки самих США. Четко в соответствии с указанным принципом Америку, несомненно, можно назвать страной, которая «укрывает террористов»{481}. Но это не имеет никакого значения. С точки зрения логики в данной ситуации срабатывает принцип универсальности, впрочем, как пояснял Г. Киссинджер, вполне естественно, когда в рамках превалирующей доктрины и политической культуры эти банальные нормы и принципы могут отметаться.

Любой президент разрабатывает собственные «доктрины», но только Дж. Буш, помимо этого, обладает еще и «видением идеального образа», вероятно, поскольку его помощники хорошо помнят критические замечания, высказываемые в отношении его отца в связи с тем, что ему «не доставало образного мышления». Наиболее ярким примером служит ситуация в Ираке, когда все аргументы в оправдание начала здесь военной операции были исчерпаны, американские власти заговорили об установлении демократии в Ираке и на всем Ближнем Востоке. К ноябрю 2003 года данная идеалистическая версия стала главным официальным объяснением необходимости проведения иракской военной операции. Корреспондент и редактор с большим стажем Давид Игнатиус писал, что «это, пожалуй, самая

идеализированная война современности — ее более или менее связанное логическое обоснование, помимо пускания всей этой пыли в глаза об оружии массового поражения, связях с „Аль-Каидой“, строится вокруг идеи о необходимости свержения репрессивного режима власти во имя демократического будущего страны». Через несколько дней после публикации этой статьи Дж. Буш в своем знаменитом официальном обращении подтвердил приверженность данному принципу в решении иракского вопроса{482}.

Это обращение президента вызвало самые различные реакции — от благоговения до критики, причем те, кто критиковал, одобряли благородство порывов американского руководства, но полагали, что это вряд ли под силу США: иракское общество слишком отстало в развитии и проведение здесь глубинных трансформаций может очень дорого обойтись американцам. Однако данный принцип был положен в основу иракской кампании и в дальнейшем рассматривался как нечто само собой разумеющееся. В новостях сообщалось, что «американское руководство при осуществлении своих планов создания стабильной демократии в Ираке столкнулось с серьезными трудностями». Различные журналисты и обозреватели задавались вопросом, насколько успешной может оказаться «текущая кампания в псевдовильсоновском стиле, направленная на установление стабильной демократической системы на Ближнем Востоке». Наиболее непримиримые критики «неоконсерваторов» у власти полагали, что «решение о начале военных действий с целью смещения Саддама Хусейна и провоцирования волны демократических революций по всему арабскому миру в значительной мере способствовало расшатыванию системы международных отношений»{483}. Приложив немалые усилия, я не смог найти опровержение данного тезиса.

Подтверждением веры в правильность выбранного мотива проведения военной кампании являются не только заявления о благородных намерениях, но очевидность того, что эти заявления мало кого интересуют, так как они абсолютно предсказуемы. То, что в данной конкретной ситуации с Ираком заявления американского руководства имеют самое последнее значение, вполне понятно, ведь для того, чтобы в них поверить, нужно признать, что американские политики являются последними лжецами. Ведь когда общество готовили к войне в Ираке, обоснование необходимости военных действий было совершенно другим: «главной задачей», как подчеркивали руководители США и Великобритании, было разоружение Ирака, а не преследование каких-то призрачных «идеалов». Простой здравый смысл рождает сомнение в правильности избранной задачи, взамен показавшей свою несостоятельность всей оправдательной базы.

Есть множество фактов, позволяющих судить о характере данных заявлений. История последних лет предоставляет достаточно убедительные доказательства пренебрежительного отношения к демократическим ценностям. Здесь речь не идет даже о той риторике американского руководства, когда, по мере развития военной кампании в Ираке, европейские страны были поделены на «Старую» и «Новую» Европу, невзирая на общественное мнение и преобладающие антивоенные настроения в этих государствах. Самую жесткую позицию занял Пол Вульфовиц, который ругал турецкое военное руководство за то, что оно допустило, что правительство Турции пошло на поводу у 95 процентов населения страны, и потребовал от турецкой стороны извинений и признания: долгом Турции как демократического государства является выполнение обязательств

помощи США.

Выступление Вульфовица особенно примечательно, так как он является своего рода вдохновителем американского демократического крестового похода. Игнатиус, взывавший к нашему благоразумию, пишет о своих сильных впечатлениях от выступления П. Вульфовица в Хилле в Ираке. Там он «цитировал рассуждения Алексиса де Токвиля о демократии» и призывал иракцев начать «создание демократического общества», что, несомненно, произвело сильный эффект на собравшихся людей, которые находились в месте, где, как было доказано, впервые жертвами американских войск стали мирные иракцы{484}. Игнатиус объясняет, что Вульфовиц — это «знаковая фигура во всей иракской военной кампании» и при этом «главный идеалист в администрации президента Дж. Буша». Игнатиус выражал беспокойство, что П. Вульфовиц, возможно, даже «слишком идеалистически мыслит и что его страсть к обоснованию благородства намерений США в Ираке может преобладать над трезвостью мышления и прагматизмом, которые обычно свойственны военным стратегам». Сам же Вульфовиц, как «тонкий знаток арабского мира», говорил о том, что «для него невыносимо видеть, как жители арабских стран подвергаются бесконечным притеснениям и репрессиям, и его главной мечтой является их освобождение от гнета». И все же, полагает Игнатиус, «было бы лучше, если бы его голый идеализм был подкреплен, пусть даже самыми примитивными, соображениями о защите интересов США».

Хорошим доказательством приверженности П. Вульфовица ценностям демократии и его обеспокоенность судьбами различных народов служит тот факт, что он оказывал активную поддержку наиболее ужасным и кровожадным убийцам, садистам и агрессорам XX века{485}. Его верность демократии в полной мере получила выражение после начала военной операции, когда он опубликовал доклад «Слово и дело» (5 декабря 2003 года) о контрактах на строительство в послевоенном Ираке. Он заявил: «Необходимо обеспечить безопасность соблюдения ключевых интересов США», и, по его мнению, все страны, которые не выполняли приказы США, не могут претендовать на получение контрактов на строительство. Термин «безопасность» используется в своем привычном значении. Таким образом, корпорации «Хеллибертон», «Бектел», «Дж. П. Морган» и другие компании, работающие с правительством США, защищены от конкуренции со стороны фирм Франции, Германии и России, несмотря на негативные последствия для американских налогоплательщиков, которые может иметь такое частно-государственное сотрудничество.

Несомненным является только одно завоевание иракской военной кампании: свержение Саддама Хусейна. Этот факт должен быть с легкостью воспринят теми, кто критиковал США и Великобританию за их поддержку самых страшных преступлений иракского лидера, включая жестокое подавление шиитского восстания, которое могло привести к его свержению в 1991 году. Окончание правления Саддама было одним из двух позитивных следствий «смены режима» в Ираке. Другим следствием стала ликвидация экономических санкций, по причине которых сотни тысяч иракцев погибли, а иракское общество оказалось расколотым, но вынужденным поддерживать репрессивный режим в интересах собственного выживания. По этим причинам уважаемые международные дипломаты, которые руководили осуществлением программ развития Ирака — Дэнис Холидэй и Ханс фон Спонек — подали в отставку, что было вызвано, по словам Холидэя, протестом против режима американских санкций, являющегося не чем иным, как средством «геноцида»

иракского народа.

Они были отлично осведомлены о ситуации в Ираке, так как через них постоянно проходили самая последняя информация и данные. Несмотря на то что ООН осуществляла контроль над обеспечением режима санкций, именно США настояли на введении наиболее жестких мер экономической блокады. Так что отмена санкций — это, несомненно, позитивное изменение для Ирака. Ликвидация тирании Саддама Хусейна также является долгожданным событием для иракского народа, однако для этого совсем не обязательно было осуществлять полномасштабное военное вторжение.

Как полагают Холидэй и фон Спонек, есть достаточные основания предполагать, что если бы санкции в отношении Ирака были направлены на противодействие программам создания новых видов оружия, то Саддама Хусейна скорее всего постигла бы участь других тиранов, которых США и Великобритания в разное время поддерживали: Чаушеску, Сукарно, Маркоса, Дювалье, Чон Ду Хвана, Мобуту... — впечатляющий список кровавых преступников, сопоставимых с Саддамом Хусейном, и число их, при активной поддержке западных стран, с каждым днем пополняется новыми именами. Если их истории что-нибудь да значат, то вполне справедливо предположить, что репрессивный режим в Ираке можно было свергнуть без прямого военного вмешательства. Послевоенные исследования, проводимые, в частности, вашингтонским Центром изучения Ирака, который возглавляет Дэвид Кэй, подтверждают данный тезис: существует масса свидетельств того, насколько зыбкой была стабильность режима Саддама в последние несколько лет. Субъективные оценки не позволяют говорить о верности данных предположений. Однако о справедливости и оправданности иностранного военного вторжения в страну можно говорить только в том случае, если бы иракскому народу была предоставлена возможность самостоятельно свергнуть ненавистного диктатора, как это случилось в других странах из списка «изгоев», которые пользовались поддержкой США и Великобритании, и он ее не смог реализовать{486}. Только этих доводов достаточно, чтобы опровергнуть обоснованность проведения военной операции в Ираке, но есть еще и другие причины, о некоторых из которых говорилось ранее.

Как уже отмечалось, публичные заверения в благородстве намерений принимались повсеместно как нечто само собой разумеющееся. Почти повсеместно. Я обнаружил одно исключение через несколько дней после заявления президента о необходимости борьбы за демократию в Ираке и во всем регионе. Об этом исключении свидетельствуют результаты опроса общественного мнения жителей Багдада, проведенного американской социологической службой «Гэллап». Некоторые из опрошенных действительно оказались согласны с тем, что главной задачей США является установление в Ираке демократии — они составляли один процент от общего числа опрошенных. Пять процентов полагали, что целью является «помощь и поддержка иракского народа». Большинство же сошлось в едином мнении о том, что главной задачей США в Ираке является установление контроля над энергоресурсами и стратегического преобладания в регионе{487}. Результаты этого опроса как будто остались никем не замеченными.

Впрочем, все было не столь однозначно, как могло показаться. Несмотря на то что всего лишь один процент жителей Багдада считали, что США осуществили вторжение для

обеспечения демократии, пятьдесят процентов полагали — Америка хочет установить демократию в Ираке. Разве здесь есть какое-то противоречие? Не совсем. США хотят, чтобы в Ираке установился демократический режим, но «не позволят иракцам самим осуществить этот переход без американского давления и присутствия». Иными словами, демократия — это, конечно же, хорошо, но только в том случае, когда вы делаете, что мы вам скажем. Иракцы, пожалуй, понимают нас лучше, чем мы сами, — лучше, потому что мы не хотим замечать очевидных вещей.

Отношение американского руководства к демократическим ценностям проявилось также в других обстоятельствах, когда в канун очередной годовщины вторжения в Ирак, в марте 2004 года, в Гаити произошел государственный переворот. В американских СМИ ситуация была показана таким образом, что, казалось, во всем виноваты сами гаитяны и их «недееспособное народное правительство». О том, что привело к данному перевороту и стало его главной предпосылкой, американские журналисты предпочли не говорить. Одним словом, в 1990 году в Гаити прошли первые свободные выборы. Жизнеспособное гражданское общество стало зарождаться в городских трущобах — это позволило большей части населения выбрать собственного кандидата, которым стал представитель широких масс — священник Жан-Бертран Аристид. Вашингтон тут же предпринял попытки свергнуть демократически избранное правительство. После того как через несколько месяцев оно было свергнуто, к власти пришла военная хунта, поддержанная Дж. Бушем I и Б. Клинтон, для чего американские власти даже организовали незаконные поставки нефти и топлива. После трех лет непрекращающегося кровопролития в стране Клинтон позволил президенту Аристиду вернуться к власти — это было представлено как «восстановление демократии» — но с одним условием: он должен был одобрить экономическую программу кандидата, поддержанного США, потерпевшего неудачу на выборах 1990 года. Как ожидалось, эта программа с довольно жесткими условиями окончательно подорвала экономический суверенитет Гаити и ввергла страну в хаос и череду внутренних кровопролитных конфликтов. В дальнейшем этот процесс ускорило решение администрации Дж. Буша в довольно циничной форме отказать стране в международной помощи {488}.

Условия, которые Клинтон выдвинул Аристиду и которые должно было выполнять гаитянское правительство в рамках данной экономической программы, сравнимы с тем, какие требования Пол Бремер навязал Ираку, чтобы иностранные компании и банки могли установить свои монопольные права в стране. В этой связи важно отметить, что подобные разрушительные последствия для национальной экономической системы, подрывающие ее самостоятельность, также приводят к тому, что любые демократические преобразования становятся не более чем пустым звуком. Фактически навязанные силой, экономические программы такого рода предопределили появление «стран третьего мира», а мировые экономические державы проводили политику государственных интервенций в экономику различных стран и обеспечивали своим предприятиям гарантии для преодоления конкуренции на местных рынках. Они и сейчас продолжают делать то же самое, а США среди них занимают особое место.

В марте в Сальвадоре возникла ситуация с выборами, похожая на ситуацию в Гаити. Для обеспечения «правильного» кандидата достаточным количеством голосов администрация Дж. Буша, помимо всего прочего, пригрозила прекратить предоставление финансовой

помощи стране — главный залог сальвадорского «экономического чуда»{489}.

Иракцам нет необходимости знать историю США, чтобы составить свое впечатление о том, насколько порывы и намерения Дж. Буша благородны и бескорыстны. Живым примером служит вся современная история их собственной страны. Ирак, как государство в современном его виде, был сформирован Великобританией, его границы были нанесены на карту таким образом, чтобы Великобритании, а не Турции достались нефтяные месторождения на севере страны, и еще с тем, чтобы Ирак был практически полностью отрезан от доступа к морю территорией другой британской колонии — Кувейта. Ирак обрел «независимость», собственную конституцию и парламентское правительство. Однако иракцам не нужно было читать засекреченные документы, чтобы понять, что Великобритания в Ираке стремится создать лишь «арабский фасад», при этом безраздельно властвуя и прикрываясь «конституционной фикцией».

Более того, они прекрасно видели, что происходит у них на глазах. Иракцы вполне понимают, что «даже после передачи руководством США власти национальному правительству американское военное и дипломатическое присутствие не исчезнет, а будет только набирать силу. Бремер заявил, что „коалиционное правительство в Ираке станет самым многочисленным посольством США“». В него войдут более трех тысяч человек — «это будет наиболее многочисленное по штату дипломатическое представительство», которое явно предназначено не для контроля над процессом передачи полномочий национальному правительству Ирака. Вскоре иракцы с удивлением узнали, что представители США намерены «отложить проведение реконструкции некоторых объектов до того, пока 30 июня не состоится официальная передача полномочий новому иракскому правительству, с тем чтобы сохранить дополнительные рычаги воздействия на новое руководство Ирака»{490}.

Помимо ограничения самостоятельности иракского правительства Вашингтон столкнулся с еще одной «важной задачей»: «необходимостью решения вопроса американского военного присутствия в стране и определения статуса сотысячного контингента армии США, который, как планирует американское военное командование, останется в Ираке после окончания оккупации». США «не намерены передавать властные полномочия новому правительству с тем, чтобы их военное присутствие в стране оказалось ограничено», а также американские власти «категорически отрицают идею о том, что передача полномочий иракскому правительству означает вывод американских войск из страны, поскольку они обеспечивают ее безопасность»{491}.

Последняя цитата предназначена для американской аудитории. Для того чтобы это утверждение казалось верным, некоторые факты были скрыты: в частности, то, что иракцы, как показывают последние западные опросы общественного мнения, проведенные в Ираке, выразили желание, чтобы безопасность в их стране обеспечивали иракцы{492}. В США об этом сообщалось, но крайне мало — в основном речь шла о тривиальных вещах (вроде того, как иракское население счастливо зажило после избавления его от тирании Саддама). Опросы также показали, что «простые граждане всерьез обеспокоены вопросами личной безопасности и тяготятся предчувствием наступления хаоса в стране... Менее 1 процента опрошенных испытывают опасения в связи с уходом американских войск» и 60 процентов высказываются за то, чтобы именно иракцы сами поддерживали безопасность в стране (7

процентов предпочитают, чтобы этим занимались вооруженные силы США, 5 — силы коалиции, и, наконец, 5 — назначенный США Государственный совет). В целом «население Ирака не испытывает доверия к вооруженным силам США и Великобритании (79 %) и к Временному коалиционному правительству (73 %)». Ставленник Пентагона Ахмед Чалаби также не пользуется популярностью среди населения. По результатам другого исследования, 57 процентов высказались за то, чтобы безопасность в стране обеспечивали «арабские силы»{493}. Когда иракцев спросили, что их стране необходимо более всего в данный момент, более 70 процентов опрошенных «полностью поддержали» необходимость развития демократической системы власти, в то время как 10 процентов высказались в пользу Временного коалиционного правительства и 15 — за Государственный совет{494}. Под «демократической системой власти» они понимали настоящую демократию, а не размытые ее формы, которые предлагал П. Вульфовиц и другие «идеалисты».

Споры США и Ирака о формате и объеме будущей независимости государства очень четко были заметны через год после вторжения в Ирак. Вульфовиц и его коллеги из Пентагона заявили о том, что намерены поддержать «продление срока пребывания американских вооруженных сил в Ираке, а также хотят ограничивать увеличение иракской армии, что наилучшим образом будет способствовать укреплению демократии в стране». Фразу «способствовать укреплению демократии в стране» следует понимать в том же смысле, в каком Вульфовиц отзывался о турецком военном командовании. Однако общественное сопротивление этим планам было настолько сильным, что даже назначенные США «члены временного правительства страны», как правило, стремящиеся угодить американскому руководству наперекор народным чаяниям, заявили, что «они не одобряют соглашение с США о продлении сроков пребывания американского военного контингента в Ираке». Их отказ поставил крест на построении демократической системы в соответствии с предложениями П. Вульфовица: «Затягивание переговоров по этим и ряду других деликатных вопросов приведет к тому, что США окажутся в положении, когда им придется договариваться с иракскими лидерами, которых они не назначали»{495}.

С самого начала США планировали «разработать систему отношений с будущим правительством освобожденного ими Ирака, при которой, как заявляют высокопоставленные сотрудники администрации президента США, американские военные смогут получать доступ к существующим на территории страны военным базам и использовать незаселенные регионы государства для сосредоточения своего военного присутствия». Эти планы были крайне негативно встречены иракской стороной, представители которой сохранили прежнюю решимость добиться полной независимости Ирака. Как неоднократно отмечалось, именно нежелание иракского руководства идти на уступки в этих ключевых вопросах создавало главную проблему для США в Ираке{496}.

Вопрос о проведении военной операции не стоял бы так остро, если бы не забрезжила возможность получения доступа к стратегически важным военным базам в зависимом, лояльном государстве с традиционным укладом жизни. Вашингтон был особенно обеспокоен в связи с требованиями иракского руководства о том, что военные договоры с США о «продлении срока размещения сотысячного контингента американских вооруженных сил в Ираке после передачи полномочий иракскому правительству» в июле 2004 года должны заключать «избранные в ходе свободных выборов иракские

представители». Стратеги в Вашингтоне надеялись, что каким-то образом удастся создать «систему совместного с иракскими представителями решения ключевых политических вопросов страны, при сохранении доминирующих позиций США, с тем чтобы в целом данная система выглядела довольно демократической, но, по сути, ничего бы не менялось». В этом отношении сперва планировалось привлечь ООН, однако ее участие в дальнейшем могло «нарушить далеко идущие планы руководства США создать систему ограниченной независимости национального иракского правительства»{497}.

Американские политики «полагают, что они нашли вполне легальную основу для сохранения монополии американских вооруженных сил на поддержание порядка в Ираке». Иными словами, для обеспечения военного присутствия США вне зависимости от протестов со стороны иракского общества и тем самым для поддержания своего «стратегического влияния» в регионе, которое, в свою очередь, является залогом глобального превосходства. Получив формальные санкции от Совета Безопасности ООН, Пол Бремер отдал приказ о переводе иракских вооруженных сил под командование США{498}.

Иракцы в дальнейшем также могли наблюдать различные меры ограничения экономической самостоятельности своей страны, включая ряд распоряжений, позволивших американскому крупному капиталу получить контроль над иракскими предприятиями и банками и установивших минимально низкую налоговую ставку в 15 процентов. «Эти грандиозные преобразования», по мнению экономиста Джефа Мэдрика, «сделали иракскую экономическую систему самой открытой для притока иностранного капитала и инвестиций в мире, а ее налоги минимальными» и практически разрушили надежды на возможность восстановления системы социального обеспечения и инфраструктуры Ирака. Данный план экономических реформ «не получил подтверждения ни с точки зрения теории, ни практики, но держался исключительно на энтузиазме и идеологической убежденности тех, кто его отстаивал», несмотря на его возможные негативные последствия для Ирака. Неудивительно, что «представители иракского бизнеса встретили в штыки данные инициативы» и полагали, что «данный план экономических преобразований окончательно подорвет промышленный потенциал Ирака»{499}.

Гораздо меньше проблем было с иракскими рабочими и служащими. Оккупационные силы предприняли активные меры для ликвидации профсоюзов и профсоюзного движения, предотвращения забастовок, проведения в жизнь законов Саддама Хусейна, ограничивающих права трудящихся, и обеспечения гарантий для бизнеса от давления со стороны профсоюзов и общественности. Тем не менее, сильное сопротивление иракцев и неудачи военного оккупационного руководства заставили Вашингтон воздержаться от применения наиболее радикальных мер{500}.

Увеличение доступа иностранных компаний на внутренние рынки Ирака не распространялось на сектор нефтяной промышленности. Это было бы совсем бесовестно. Однако простым иракцам нет надобности в чтении западных деловых изданий, чтобы обнаружить, что «обладание самой детальной информацией о степени и характере развала иракской нефтяной отрасли» (все это благодаря заключению выгодных контрактов с американскими фирмами) «позволило компании „Хэлибертон“ стать лидером в области сотрудничества с иракскими предприятиями топливно-энергетического комплекса», наряду

